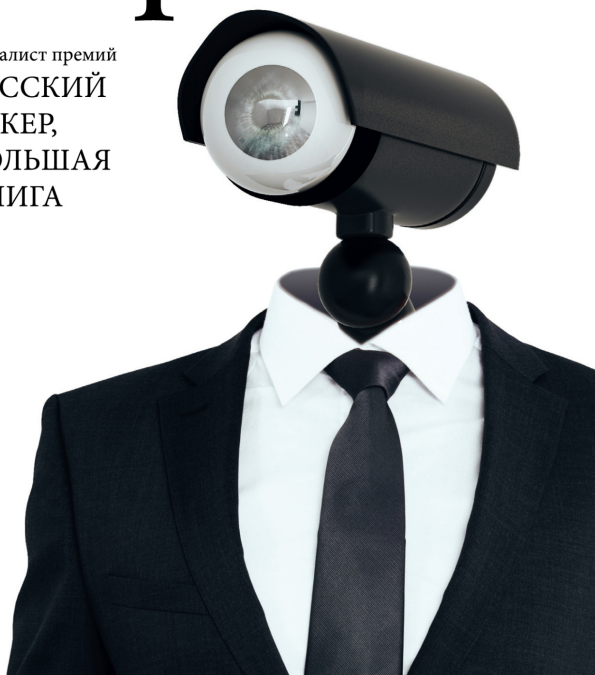

Алексей
Слаповский
Страж
История болезни
порядка

Финалист премий
РУССКИЙ
БУКЕР,
БОЛЬШАЯ
КНИГА

Алексей Иванович Слаповский

Страж порядка

Серия «Новая русская классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723284

*Страж порядка:
ISBN 978-5-17-147590-1*

Аннотация

Герой нового романа Алексея Слаповского «Страж порядка» Эрих Марков (необычное имя дала мама – любительница Ремарка) с началом пандемии стал счастливым человеком. Простой охранник торгового центра, любящий свое скромное дело, теперь чувствует себя Стражем Порядка, исполнителем важной миссии по обеспечению здоровья и благополучия общества. Но обычными мерами порядок, увы, не наводится. Придется кого-то в назидание наказать. Может, даже убить. Не хотелось бы, но – надо! Долг! И вот он выходит на охоту...

Содержание

1	5
2	19
3	38
4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алексей Иванович Слаповский Страж порядка

Кто был никем – тот станет всем!
Э. Потье, перевод с французского А. Коца

© Слаповский А.И.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Утром Эрих обнаружил, что мать умерла.

Он стучал в ее комнату, звал, она не откликалась.

Дверь была на задвижке.

Раньше она была без задвижки, несколько лет назад мать сказала Эриху, чтобы он привинтил задвижку. А то вечно все входят без спроса, сказала она, хотя, кроме Эриха, к ней некому было входить. Эрих купил и привинтил задвижку – маленькую, как мебельный шпингалет. Он знал, что рано или поздно придется ее вышибать. Теперь это время пришло.

Эрих ударил плечом, дверь распахнулась, ушко задвижки отлетело.

Он подобрал его и шурупы, сунул в карман.

Посмотрел на мать.

Она лежала с открытыми глазами и открытым ртом, руки вдоль тела.

– Мама? – спросил Эрих.

Но она и живая не сразу отвечала, а теперь тем более.

Он постоял и пошел в кухню. Позвонил отцу.

– Привет, такое дело, мама умерла, – сказал он.

– Ах ты, господи, – сказал отец и начал всхлипывать.

Эрих слушал и смотрел на часы. Ему на дежурство к десяти, сейчас без пяти девять.

– Мне на смену к десяти, – сказал он. – А уже почти девять. Давай приходи.

– Какая смена? – спросил отец. – У тебя мать умерла.

От этого напоминания он опять заплакал.

– За прогул уволят, – сказал Эрих. – У нас хоть сам умри, а приходи. Строго.

– Ладно, сейчас буду. Дождись, а то уйдешь, будет она одна лежать там.

– По-любому дождусь, у тебя ключей нет, – сказал Эрих.

Он пошел на балкон, где у него был шкафчик с инструментами и всякой мелочью, положил туда ушко и шурупы.

Вернулся в комнату матери. Огляделся – искал полотенце или чистую тряпку. Но в комнате не было ничего чистого, комната была очень грязной. Мать не убиралась лет пятнадцать, если не больше. Только иногда мела веником в центре, где ковер. На ковре видна протоптанная дорожка от двери к кровати.

Эрих пошел в ванную, где на полке хранились чистые полотенца. Полка была высокой, чтобы не достала мать. А то возьмет полотенце, унесет в свою комнату, и там оно пропадет. Там все пропадает. Так было бы, теперь не будет, ведь она умерла. Можно будет перевесить полку. И переделать многое другое. Заняться ремонтом в ее комнате. Всему свое время. Соседи купили собаку, бульдога. Щенка. Тот грыз плитуса, углы, сдирал зубами обои, не слушался окриков, не действовало битье. Перестал сам, когда подрос, тогда со-

седи и сделали ремонт.

Эрих взял полотенце, пошел в комнату. Через полотенце приложил ладонь к глазам матери и провел вниз, чтобы веки закрылись. Подержал так, убрал руку. Теперь глаза были закрыты. Надо закрыть рот. Эрих сквозь полотенце взялся за подбородок, двинул его вверх. Подержал, отпустил. Рот медленно приоткрылся, но уже меньше. Эрих повторил, держал долго. Отпустил. Рот опять приоткрылся. Эрих обвязал голову полотенцем. Выглядело так, будто у матери болят зубы или голова.

Пришел отец. Плакал и всхлипывал.

– Эх, Юрик, – еле выговорил. – Как мы теперь?

Всегда называл сына не Эрих, а Юрик. Не любил имени, которое дала мать в честь любимого писателя Ремарка. Когда у меня фамилия Маркова, а я Мария, само просится, объясняла она тогда, когда еще объясняла свои действия. Потом перестала, считая правильным все, что делает, и неправильным все, что делают другие. Отец устал от этого и ушел из семьи. Очень давно, Эрих был тогда маленьким. Потом узнал, что у отца заранее была припасена одинокая женщина на той же улице, через четыре дома. Жили они плохо, со скандалами. Мирились, когда вместе выпивали. Но с похмелья ссорились еще сильнее. Потом она умерла.

Отец называет Эриха Юриком, а Эрих его – никак. В словах «папа, отец» что-то родное, а Эрих ничего родного не чувствует в этом человеке.

Они стояли над матерью. Отец перестал плакать. Будто стеснялся нарушить тишину смерти. Спросил:

– Не закрывается без полотенца?

– Нет.

– Нехорошо смотрится.

– А как еще?

– Ну, пусть. Все свои, ничего.

– Ты давай тут, а мне пора, – сказал Эрих.

– Что давать-то? Я не знаю, что делать. В полицию надо звонить, нет? В скорую? Или куда? В похоронную службу тоже. Или как?

– Набери в телефоне: что делать, когда умер человек, – посоветовал Эрих.

– Ладно. Когда придешь?

– После десяти.

– Смотри, я на ночь тут не останусь. Эх, Маша, Маша, вот ты не вовремя. Мне в поликлинику завтра. Хоронить послезавтра будем? На третий день положено. А можно в кремацию. У меня соседку снизу недавно там сожгли. Дочь жаловалась – очередь, неделю ждали. Но, говорит, дешевле. И насчет кладбища проще. Ячейки, как камеры хранения, маленькие. Сунул, цветок воткнул, и все.

– Нормально будем хоронить. На третий день.

– Тогда получится. Успею в поликлинику.

До работы Эриху – пятнадцать минут пешком. Это большое преимущество, потому что не надо ехать в транспорте

и подвергать себя риску.

Эрих работает охранником в торговом центре, который называется «Депо-Молл». На первом этаже «Пятерочка», на втором – большой магазин бытовой техники и электроники и еще два десятка маленьких магазинчиков, на третьем – столовая «Му-Му». В «Пятерочке» своя охрана, на втором этаже тоже охранники, нет охранника в «Му-Му», но он там и ни к чему – еду не украдешь, ее подают из-за стойки.

Вроде бы охранник при общем входе не нужен, но это не так. Ночью все пустеет, другие охранники уходят, а тот, что в вестибюле, остается. А вестибюль освещен, охранника видно, никто не сунется, вот вам и польза от него.

Днем бывает скучновато. Руководство охранной фирмы запрещает что-то смотреть или слушать с телефонов, и Эрих согласен, что это правильно. Пусть всякий, кто входит в торговый центр, сразу видит, что охранник не отвлекается, а наблюдает. Ночью смотреть и слушать разрешали. Эрих любит смотреть ютуб. В ютубе он любит смотреть аварии. Чаще всего причины аварии в самих людях, которые гоняют по дорогам, как идиоты. Если бы у Эриха была машина, он ездил бы аккуратно. Но гарантии все равно нет: ты едешь аккуратно, а в тебя врежутся, и ты точно так же погибнешь.

Любит он также смотреть кадры катастроф: наводнений, оползней, ураганов. Они доказывают, что человек ничто перед стихией, а стихия может случиться всегда.

Еще он любит смотреть фотографии красивых женщин.

Смотрит иногда и порнографию. Без звука, потому что стесняется, что кто-то может услышать. Никого в вестибюле и во всем торговом центре нет, но мало ли. Может, кто-то где-то все-таки есть. Подслушает и будет потом посмеиваться над Эрихом. Эрих не терпит, когда над ним посмеиваются.

В порнографии ему нравится не то, что происходит, а сами женщины. Они бывают очень красивыми. Нет, много и некрасивых, которые неизвестно зачем снимаются. Ролики с такими женщинами Эрих тут же сердито закрывал. А красивыми любовался. В жизни он никогда таких не встречал. Люди в целом – уроды. Кто видит их тысячами каждый день, тот знает.

Но и аварии надоедают, и от красивых женщин устаешь, от их недостижимости, и Эрих половину ночи ничего не смотрит, а просто сидит или ходит туда-сюда.

Раньше было интереснее, Эрих работал при серьезной организации, где требовалось записывать в журнал фамилии посетителей. Начальство хвалило Эриха за отличный почерк. Эриху нравилось, когда у посетителей были странные фамилии. Многие он помнит до сих пор: Кожан, Солюстра, Перкуль, Амбиенко, Сцековский, Бедолай, Лембер, Чапчиков, Тубойда, Рацилло, Ворс, Берц-Ковалевич. Да у них и самих работала женщина по фамилии Штоль. Там Эрих сидел за столом, там разрешалось пить чай, читать. Но организация переехала в другое место, в «Москва-Сити», а Эриха перевели в торговый центр, где он работает уже девять лет.

Зато близко к дому.

Скука кончилась, когда началась пандемия. Эриху объяснили, что в его обязанности теперь входит следить, чтобы все были в масках. А если у кого нет – не пускать. И Эрих вежливо напоминал, преграждал путь нарушителям. Были конфликты, были неприятные ситуации, несколько раз пришлось вызывать полицию, потому что охране запрещено самой задерживать людей и тем более применять к ним какие-то меры. Один пьяный пихнул Эриха кулаком в плечо, двое молодых людей потянули на улицу, чтобы там с ним поговорить, психованный пенсионер плюнул в грудь, старуха ударила по руке палкой. Эрих мужественно терпел и гордился опасностью работы. По-настоящему его задел лишь один случай. В торговый центр вошел мужчина в костюме. Сразу было видно, что он не из простых. За ним следовал высокий человек, тоже в костюме, и что-то говорил. Наверно, что не надо сюда ходить. Эрих догадался, что это телохранитель. Оба были без масок. Эрих встал перед ними. Он не успел ничего сказать, телохранитель прыжком оказался впереди начальника и убрал Эриха с дороги. Как что-то неодушевленное.

И никто вокруг не возмутился. Никто не вступился за Эриха. А это было в ту пору, когда маски носили все и делали замечания другим. Эрих читал и видел в ютубе, как нарушителей выбрасывали из маршруток, трамваев и автобусов, всем вагоном ругали в электричках. Вдвойне было обидно

пережить унижение. Сколько уже времени прошло, а Эрих помнит обиду. Перебирает варианты, как можно поступить, если обидчик опять появится. Но он не появлялся. Он попал сюда случайно, одноразово. Обидчиком при этом Эрих считал не телохранителя, а начальника. Ты, начальник, виноват, что твои люди так себя ведут. Каков поп, таков приход.

Но в целом Эрих был почти счастлив, чувствовал себя как никогда нужным, полезным. Как-то он наткнулся в интернете на заголовок, где было выражение «страж порядка». Он и раньше знал это выражение, но оно было для него пустым. И вдруг наполнилось смыслом. Это про него. Он не охранник и не сторож, он не привратник, он – страж. Страж по работе, по должности. А есть стражи добровольные, по жизни. В том же ютубе Эрих начал смотреть ролики из серий «не на того нарвался», «проучил хама», «мгновенная карма» и т. п., где справедливость восстанавливалась смелыми людьми или самими обстоятельствами.

Он в это время забыл о фото и порно с красивыми женщинами. Смотрел очень редко. Сделал вывод: если мужчина увлечен серьезным делом, если появляется в его жизни важная тема, женщины не очень-то и нужны, даже красивые.

Все было хорошо, но Эрих с печалью думал, что пандемия кончится и все будет по-старому, скучно.

И тут новый всплеск, рекордные цифры заболеваний и смертей. Однако люди вместо того, чтобы по-хорошему испугаться и взяться за ум, именно в это время окончательно

но потеряли голову. Они сорвали маски и стали нарушать правила, будто бросили вызов эпидемии и самой смерти: на, жри.

Полноценно работать стало невозможно. Когда нарушают один-два человека, с ними можно как-то справиться, а когда половина без масок – что тут сделаешь? Эрих задал этот вопрос заехавшему в торговый центр начальнику их районного подразделения Васильеву, тот ответил:

– Забей.

– Но не отменили же масочный режим, – возразил Эрих.

– Он сам отменился, – сказал Васильев.

– Как это?

– А вот так. У нас все само происходит. Явочным порядком, – объяснил Васильев.

Эриха будто обокрали, причем отняли не вещь, а чуть ли ни смысл существования. Опять он торчит тут никому не нужной тенью, всеми видимый и никем не замечаемый.

Он оскорбился не столько за себя, сколько за тех, кто соблюдает правила. Почему они проявляют сознательность, думают и о себе, и о других, а этим другим – наплевать? Это нечестно и несправедливо.

Время сегодня тянулось очень медленно. Эрих вспоминал жизнь с матерью и не мог вспомнить ничего особенного. Она ведь давно заболела и занималась только собой, своим самочувствием. Раз в неделю вызывала скорую помощь. После врачей приторно пахло лекарствами. Одна врачиха, выходя

из комнаты, сказала Эриху:

– Хоть бы убрали у нее.

– Не дает, – оправдался Эрих.

Позвонил отец и сказал, что звонил в полицию и скорую помощь. В полиции пообещали прислать участкового, а скорая приняла вызов и велела ждать. Спросил, как включить телевизор.

– Там два пульта, – сказал Эрих. – Белый от телевизора, второй от приставки. Сначала телевизор включаешь, потом приставку.

– Пробовал, не получается. Ладно, обойдусь. Да и говорят, что нельзя смотреть, если в доме кто-то... Обойдусь, ничего.

Через полчаса позвонил опять: достали похоронщики. Три фирмы предложили услуги. Наверно, им скорая сообщила. Эрих посоветовал не вступать с ними в переговоры.

– Найди государственную организацию.

– А сам не можешь?

– Я на работе.

– Все на меня взвалил, не совестно?

– Я на работе, сказал же.

Через час отец опять позвонил и сказал, что была скорая, все оформили, написали нужные бумаги. Пришел и участковый, что-то записал, но сказал, что ему тут делать нечего, женщина была давно больная и старая, все понятно. Меньше вам хлопот, сказал он, не надо везти в морг на экспертизу.

Прямо из дома на кладбище повезете. И опять звонили похоронщики. А государственную организацию отец никак не найдет.

– Юра, у меня мозги кислые, я сам скоро помру, ты найди кого-нибудь, а то время идет, а ничего не делается.

– Ладно.

Эрих, не покидая поста, начал поиски. Он по-прежнему строго смотрел на входящих, чтобы они видели хотя бы упрек, если уж действия бесполезны, но время от времени скашивал глаза вниз, на телефон в руке, где искал нужную организацию. Тут же появилась реклама услуг. Картинки кладбищ, памятников, гробов. Один стоил два миллиона рублей. Выскочили заголовки: «Отпевание на дому по православному обряду». «Проводим с достоинством». «Возьмем на себя печальные хлопоты». Вскоре Эрих отыскал страницу справочной городской ритуальной службы, где все было подробно и понятно расписано – и как рассчитать стоимость, и как вызвать агента, и как договориться о похоронах, как оформить факт смерти в соответствующих инстанциях, как получить «гробовые деньги», вступить в наследство и так далее. Все довольно сложно и запутанно. Эрих позвонил по указанному телефону, ему дополнительно все объяснили и пообещали прислать представителя.

И тут появился тот самый человек.

Начальник, чей телохранитель отодвинул Эриха.

И Эрих понял, что все утро ждал чего-то в этом духе.

Словно смерть матери не могла быть одна, без какого-то парного события.

И вот появился этот начальник. Виновник не только оскорбления, но и смерти матери Эриха, потому что он и ему подобные сделали так, что нет хороших лекарств и условий, и от этого продолжительность жизни людей в России меньше, чем в цивилизованных странах. Сам президент постоянно упрекает их за это, но они не слушают или игнорируют.

Все было так же, как и в прошлый раз: начальник явился, глядя вокруг, как какой-нибудь колонизатор на туземцев, с удивлением и любопытством видя непонятную нищую жизнь. И тот же телохранитель маячил за его спиной.

В Эрихе мгновенно вспыхнула решимость.

Он встал перед начальником и вежливо сказал:

– Попрошу надеть маску.

Телохранитель, как бросающийся в атаку солдат, выпрыгнул на Эриха с вытянутой рукой, чтобы отодвинуть его, но Эрих был готов, увернулся телом, и телохранитель отодвинул только воздух. И тут начальник придержал телохранителя. И неожиданно улыбнулся Эриху.

– Службу исполняем? Не даем послаблений?

– Да, – твердо сказал Эрих.

– И правильно, – одобрил начальник. И громко, во весь голос добавил, поворачивая голову туда и сюда, как прожектор, будто выступал перед избирателями и освещал их своими словами: – Вот все бы так себя вели, давно бы эпидемия

кончилась.

И протянул руку к телохранителю:

– Дай-ка.

Телохранитель хлопал себя по карманам. Маски у него не было, искал для вида.

Подскочила старушка из тех, которые всегда находятся в подобные моменты.

– Возьмите у меня, у меня запасные, чистые. – Она достала из сумки пакет с масками.

Начальник взял пакет, вынул маски себе и телохранителю. Надевал не спеша, поучительно. Закрыв, как положено, лицо до самых глаз, в отличие от большинства масконосцев, которые нос оставляют свободным, глупо обманывая этим других и себя.

Ни на кого поступок начальника не подействовал. Люди или проходили мимо, не отреагировав на громкий голос: мало ли кто там кричит, или глянули на начальника, как на дурачка, и тут же забыли о нем.

А Эрих почувствовал такую благодарность, что даже слезы выступили на глазах. Впервые за последние недели его не только послушались, но и поддержали. Он опять оказался нужен и полезен. Хотелось сделать еще что-то, но непонятно – что.

И это желание в нем осталось.

И все, что случилось дальше, выросло из этого желания.

А также из странного, но уверенного ощущения, что за

смерть матери нужно отомстить.

Кое-какие деньги на похороны у Эриха были, но он боялся, что не хватит. Было немного денег и на карте матери, которой она разрешала пользоваться Эриху. Он снимал деньги в банкомате, приносил ей, а она выдавала ему на продукты и лекарства. Выдавала мало, Эрих добавлял свои. Еще у нее были на счету в банке похоронные. Мать не раз говорила о них. А то закопаете в ямке даром, говорила она. Однако отец, помнивший, как хоронил жену, сказал, что эти деньги выдадут только через полгода. Можно сколько-то получить, если пойти к нотариусу со справкой о смерти. Нотариус выдаст разрешение на срочную выдачу денег. Эрих пошел к нотариусу. Полтора часа сидел в очереди, наконец попал в кабинет женщины-нотариуса. Ее звали Демидова Людмила Валерьевна. Это значилось на табличке на двери. Эрих сказал, подавая справку:

– Надо бы деньги за умершую получить, объясните, как и что.

Демидова объяснила. Она говорила ясно, четко, громко, будто глухому. Наверное, все посетители для нее слились, и, говоря Эриху, она говорила всем предыдущим и всем последующим. Она сказала, что может выдать постановление на экстренную выдачу денег в сумме до ста тысяч рублей, но ей нужны чеки, квитанции, договора с погребальной фирмой,

которые подтверждают расходы.

– Нет еще ничего, – сказал Эрих. – Я только этим занимаюсь.

– Будут – приходите.

– Интересно получается. Я прошу, чтобы заплатить за похороны, а надо, выходит, заплатить за похороны, чтобы получить деньги на похороны.

– Уж так, – сказала Демидова с удовольствием, будто гордилась сложностью этих процедур. И добавила: – У нас, знаете ли, и жить непросто, и умереть хлопотно. Я вам посоветую, вы ведь сын, вы идите прямо в банк, вам напрямую выдадут. Если выдадут.

– Могут не выдать?

– Могут. Везде свои формальности. Вас, наследников, много? Братья, сестры, жена, дети?

– Я один.

– Молодой, симпатичный, – неожиданно сказала Демидова личным голосом, – а никого не найдете себе. Так и заскучать можно.

– Я не скучаю, – сказал Эрих. – До свидания.

Он ушел, а Демидова достала из ящика стола зеркальце и губную помаду. Она хотела чуть подкрасить губы, но увидела, что красить не надо, все хорошо. Полюбовалась собой и с усмешкой тихо сказала:

– Не скучает он, – и выругалась, назвав мужчину женским словом. Впрочем, может, она не его назвала, слово было без

адреса – как оценка ситуации и жизни в целом. Демидова не ругалась при посторонних, но, когда оставалась одна, позволяла себе. Это с детства у нее было. Такая привычка.

Отделение банка было на обратном пути, Эрих зашел, чтобы узнать, какие потребуются документы. Ему объяснили. Дома Эрих искал документы в сумках и сумочках матери, которых было очень много. В первую очередь нужен был договор с банком, но его он как раз не мог найти. Зато была объемистая сумка с квитанциями об оплате коммунальных услуг. Квитанции двадцатилетней давности и даже за девятые годы. Эрих отправился в банк, спросил, как быть. Ему сказали, что деньги со счета матери он может снять через полгода, у них же есть договор с нею. Но снять срочно без ее договора не получится. Предложили оформить кредит на похороны. Эрих отказался.

Приехала девушка, представительница ритуальной организации. Выглядела красоткой, предлагающей продукцию парфюмерной фирмы. Назвала свое имя – Карина. Достала черную папку с золотыми виньетками, оттуда листы.

– Вот наш прайс, ознакомьтесь.

Эрих ознакомился.

– Мне по телефону меньше говорили, – сказал он.

– Меньше и будет по результату, вам компенсация положена. Вот, смотрите. – Девушка, держа телефон в пальчиках с лаковыми ноготками, листала и показывала. Ноготки были

разного цвета – желтые, фиолетовые, зеленые, красные. Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, вспомнил Эрих то, чему учила его мать. Это было трудное учение для обоих.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, – говорила мать. – Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Цвета радуги, цвета спектра. Повтори.

– Каждый охотник хочет.

– Желает.

– Увидеть.

– Знать.

– Где прячется.

– Сидит. Ты тупой у меня, что ли? В отца, что ли? – сердилась мать. – Проверить тебя надо, странный ты у меня. Как бы тут, а как бы нет.

– Смотрите, – говорила Карина. – Вот, все официально, сайт департамента торговли и услуг. За все компенсация – за гроб, покрывало, даже за тапочки, все учитывается. И перевозка, и погребение, минусуете от нашей суммы эту, получите то, что реально заплатите. Видите, внизу итоговая цифра? Восемнадцать тысяч четыреста семьдесят рублей девяносто восемь копеек, до копейки все посчитано. Видите?

Эрих видел ее ноготки, ее щеку, слышал ее голос и вдыхал аромат ее духов, которые на него сильно и несвоевременно подействовали.

Смерть возбуждает, вспомнил он чьи-то слова, которые

когда-то где-то читал или слышал. Тогда не понял, теперь стало ясно. Не сама смерть возбуждает, а оставшаяся жизнь. Особенно такая, как эта девушка.

В день похорон все было фальшиво и нечестно.

Работники ритуальной службы приехали очень рано. Объяснили: мы всех выносим или рано, или вообще ночью. Такое указание – чтобы не беспокоить жителей.

Вынули тело из гроба, положили на черное пластиковое полотно, завернули. Эрих спросил, почему не в гробу, ему и это объяснили: с четвертого этажа гроб сносить сложно, можно и уронить, а главное, чтобы на улице никого не травмировать видом гроба, на это тоже есть указание. И без того люди стали нервные и подавленные. Гроб отдельно быстро вынесут, никто не заметит.

Действительно, подумал Эрих, давно уже я не видел, чтобы из домов выносили покойников, будто никто вокруг не умирает. Вот, значит, почему.

Грузчики несли по лестнице черный бесформенный куль, пытая и топоча ногами, негромко покрикивали: «Заноси. Держи выше. Поворачивай».

В катафалке сняли пластик, уложили в гроб.

На кладбище подъехали к церкви.

– Зачем? – спросил Эрих водителя.

– Отпевать разве не будете?

– Надо бы, – сказал отец.

– Ладно, – сказал Эрих.

Провожающих мужчин было только двое, отец и Эрих. Эрих доплатил грузчикам, чтобы они занесли гроб в церковь. Отец и Эрих тоже несли. При входе Эрих дал денег за отпевание какой-то женщине в платке. В церкви гроб поставили к двум другим, поп отпевал всех разом. Эти умершие были, наверное, как и мать Эриха, одинокими, вокруг них было мало людей.

Подъехали к кладбищенской конторе. Служитель подошел договариваться. Могила вырыта на дальнем конце кладбища, сказал он, но можно ближе, если доплатить. Могила одинарная, но можно двойную, учитывая будущих родственников, которые умрут, если доплатить. Дай бог всем здоровья, но никто не вечный, сказал служитель, с симпатией глянув на отца Эриха. Крест поставят стандартный, деревянный, но можно сразу основательный, гранитный, если доплатить. Осадку грунта учтем, будем поправлять, не волнуйтесь. Ограда тоже стандартная, быстро проржавеет, хоть и окрашенная, но можно чугунную, вечную, если доплатить.

Эрих отказался от всего, сказал, что стандартные варианты устраивают, а если захочется потом что-то изменить, он сам решит, что надо. Но все равно итоговая сумма за услуги оказалась намного больше той, которую объявляли. Эрих не стал спорить, заплатил, но запомнил это.

Он все стал запоминать подробнее, чем раньше, ведь теперь запоминать больше некому. Раньше мать, когда была

здорова, многое запоминала и напоминала. И когда болела, тоже иногда что-то помнила, чего не помнил Эрих. Теперь лишь он один, на отца надежды нет. На поминках он только плакал и выпивал, и заснул за столом.

Поминки были в квартире. На них были Эрих с отцом, две соседки, двоюродная сестра матери, которую Эрих впервые видел и которая передала соболезнования от каких-то Сениных, и какая-то знакомая отца. Соседка его или кто, Эрих не понял. Непонятно, зачем отец ее пригласил. Она молча пришла, молча поела, выпила и ушла.

Потом были разные дела по оформлению жилищных и прочих документов.

Потом Эрих взялся убираться в комнате матери.

Выяснилось, что мать хранила:

не поддающееся подсчету количество разномастных стеклянных банок, от самых маленьких, из-под сметаны и майонеза, купленных и съеденных еще в советское время, и из-под джемов и конфитюров, до средних, из-под какой-нибудь баклажанной или кабачковой икры, и больших, двух- и трехлитровых, с крышками и без;

множество пластиковых контейнеров разных размеров;
два десятка бутылок из-под воды;

сложенные в кипы пакеты – на подоконнике, на стульях и под стульями, под диваном, на шкафах, в комод;

в книжном шкафу и на полу в углу возле него – пачки старых газет, комплектов журналов «Работница», «Огонек»

и «Здоровье», все комплекты кончались девяностым годом; и много, очень много коробок, которые громоздились друг на друге вдоль стен, доходя чуть не до потолка. В них были старые и негодные кувшины-фильтры для воды, которые Эрих собирался выкинуть, но не успел, два неработающих утюга, два электрочайника с коростой накипи на дне, новый мини-пылесос, ни разу не использованный, старая обувь матери и Эриха, детские игрушки Эриха, его школьные тетради, учебники и дневники, обрезки тряпок и тряпочек, клубки шерсти (мать когда-то вязала), а чаще всего в коробках была лишь скомканная бумага или совсем ничего, пустые коробки, которые могли для чего-то пригодиться.

Эрих купил в хозяйственном магазине дюжину мешков и начал все в них выносить. В мешках и удобно, и никто не видит остатков чужой жизни. Сначала вынес весь этот упомянутый мусор, потом одежду матери и всякие ее вещи, потом журналы, книги. В его комнате тоже были книги, несколько штук, он давно не читал и их, а эти точно никто не будет читать. Эрих несколько раз видел у контейнеров мусорки груды книг, которые никто не брал. Зачем хранить то, что никому не нужно? Для лицемерия, показать, что ты образованный? Все книги давно есть в интернете. Читать там намного удобнее, а в старых книгах желтая бумага и мелкий шрифт.

Но все же он не просто вынимал книги из шкафа и засовывал в мешки, он сначала осматривал их. Вот Стендаль, собрание сочинений. Двенадцать зеленых томов. Анатолий

Иванов, тоже зеленый, но светлее, веселее. Пять томов. Евгений Федоров, «Каменный пояс». В трех серых толстых томах. Неплохо человек заработал. Черный Ромен Роллан. Девять томов. Морковного цвета Бальзак. Восемь томов. Бледно-голубой И.С. Никитин. Два тома. Кто такой, неизвестно. Коричневый Чернышевский. Пять томов. И еще несколько собраний сочинений разных писателей. Грин, Гайдар, Островский (тот, который «Как закалялась сталь»), Шолохов, Серафимович, Тургенев, Лесков, Чехов, Салтыков-Щедрин, Хемингуэй. Все новенькое, нетронутое. А еще книги одиночные, не собраниями: «Толковый словарь русского языка», «Вегетарианское питание», «Энциклопедия домашних заготовок» и так далее.

Потом Эрих взялся за мебель. Первый шкаф, книжный, с застекленными дверцами, разобрал аккуратно, вынес и поставил у контейнеров на виду, поставил рядом и коробочку с крепежными деталями. Может, пригодится дворникам-таджикам? Но никто не польстился, дворники стали разборчивы или давно укомплектовались: из окружающих домов постоянно выносят устаревшую мебель. И Эрих перестал церемониться, он просто разбивал молотком и раздирал на части сервант, платяной шкаф, комод, письменный стол, кровать, стулья. Это оказалось непросто: мебель при социализме делали некрасивую, но крепкую.

Он не оставил ничего, кроме сумки с разными документами, альбома со старыми фотографиями и настольной лампы,

которая была тоже старая, но хорошая: на тяжелой ножке, возможно, бронзовой, с белым стеклянным куполом-абажуром.

Теперь предстояло сделать ремонт. У себя в комнате Эрих давно его сделал: сам заштукатурил и побелил потолок, поменял окно на пластиковое, оклеил стены приятно-бежевыми обоями, снял с пола так называемую паркетную доску – квадраты с дощечками, вытертыми, вылинявшими, во многих местах отскочившими, залил пол цементной стяжкой, положил на нее ламинат цвета «бук Бавария». Стало чисто, красиво, уютно. Каждая вещь на своем месте, ничего лишнего. Мебель простая, темнее пола, цвет – «орех итальянский».

Понемногу после этого он преобразил и прихожую, и санузел, и кухню. Работал урывками: мать на каждое изменение реагировала болезненно. В старый кухонный шкаф вцепилась, как крестьянка в последнюю корову. Пусть старая и не дает молока, но – любимая. Какой-то фильм Эрих видел о деревне, отсюда и сравнение. Все наши сравнения теперь не из жизни, а откуда-нибудь.

Кое-как Эрих все-таки отремонтировал санузел и кухню, заменил трубы, краны, раковины и унитаз, в кухне навесил и поставил новые шкафчики, у себя же мать не разрешала трогать ничего.

Начать надо с самого трудоемкого: снять паркетную доску. Придавленный раньше мебелью, пол теперь под ногами прогибался, трещал, дощечки ломались и вылетали.

Эрих взялся за пол с угла, что был за стоявшей тут кроватью: квадрат паркетной доски возвышался над полом. Он был похож на люк или крышку тайного хранилища. Эрих легко вынул его и даже не очень удивился, когда увидел под ним пакет. Будто этого и ждал. Он развернул пакет и увидел пачку денег и маленький матерчатый мешочек. Пересчитал деньги. Их было 76 тысяч. Как мать их скопила, непонятно. Наверное, начала копить давно, когда еще выходила из дома и сама получала пенсию. Большинство купюр были тысячные, но были и сотенные, и пятидесятки, и даже бумажные десятки, которые давно не в ходу. И пятерок несколько было, Эрих уже забыл, как они выглядят. 2002 год на них обозначен. Интересно, принимают ли их? Позже выяснилось – принимают.

А в мешочке оказались драгоценности: золотой перстень с камешком, золотой или позолоченный браслет и две сережки – в центре фиолетовые большие камни, по кругу белые. Никогда Эрих не видел их на матери, никогда она их не носила. Возможно, это все осталось от бабушки Эриха, которой он не видел, она умерла до его рождения. Она родила его мать поздно, мать тоже поздно родила Эриха, ей было тридцать семь лет.

Вдруг это антикварные вещи? Вдруг они дорогие? Для кого мать хранила их, зачем? А деньги зачем? И спрятала в самом глупом месте, тут проходит труба отопления, а дом старый, трубы старые, запросто могло прорвать и залить.

Эрих набрал в поиске: «Оценка и прием антиквариата в Москве». Нашлось несколько магазинов, большинство в центре. Эрих поехал туда. Поехал на такси. Таксист был в маске на шее.

– Наденьте, пожалуйста, маску правильно, – сказал Эрих, сам надевший так, как полагалось.

Таксист надел, но сказал:

– Маска, не маска, никакой польза.

Эрих был в хорошем настроении, поэтому не против был поговорить.

Сказал добродушно:

– Откуда вы знаете, что нет пользы?

– Все знают.

– Откуда вы знаете, что все знают?

– Говорят люди.

– Что говорят люди?

– Что маска, не маска, кто болеет, тот болеет, кто умирает, тот умирает.

– Есть какие-то цифры, статистика?

– Зачем цифра, все так понятно.

– Что понятно?

– Я давайте не буду, – сказал таксист. – Ваше мнений так, мой так. Я в маске теперь сижу на ваша просьба, есть еще претензий ко мне?

– Нет, спасибо.

Эрих был удовлетворен: таксист подтвердил его уверен-

ность в том, что все живут не аргументами, а заблуждениями, за которые крепко держатся. К сожалению, и мать была такой. Раньше, давно, когда он еще с ней спорил, иногда выходил из себя и кричал с досадой:

– Да кто тебе это сказал-то?

– Я говорю, – отвечала мать, и на этом спор кончался.

В ювелирном магазине, в отделе оценки и скупки, за стеклом сидела симпатичная молодая брюнетка. Без маски, потому что за стеклом. Почти красивая. Брюнетки красивей блондинок, ярче. И у них темные брови, ресницы, которые иногда даже не надо красить. Блондинки, если не будут красить свои блеклые брови и ресницы, облысеют лицами. У них сразу поглупеют их голубые и синие глаза. Часто очень бесстыдные. Синие и голубые глаза бесстыднее темных. Не потому, что сами женщины такие, все дело в цвете. Темный цвет скрывает, светлым цветом ничего не спрячешь.

Брюнетка сказала, что оценка платная. Эрих согласился. Подал брюнетке перстень. Она посмотрела через лупу и сказала:

– Стоимость могу сказать приблизительно. Для точности надо вынуть камень.

– Хорошо, приблизительно. Сколько?

– Даже не знаю. Золото мало стоит, оценивается камень, если бриллиант.

– Если бриллиант, то сколько?

– Ну... От десяти тысяч, я думаю.

– Хорошо. А это?

Эрих подал браслет. Брюнетка осмотрела, чем-то капнула из пипетки.

– Не испортите? – спросил Эрих.

– Не волнуйтесь, – сказала брюнетка и положила браслет на чашку весов, а на другую несколько никелированных красивых гирек. Эриху нравилось, что она все добавляет и добавляет пинцетом гирьки, сначала те, что побольше, потом маленькие и совсем крошечные. Они были похожи на разобранную матрешку.

После этого брюнетка положила браслет на электронные весы. Наверное, обычные, в деревянном застекленном корпусе, были для красоты и солидности, а электронные для точности.

– Двенадцать граммов, пятьдесят шестая проба, – сказала брюнетка. – Если оценивать, то не само золото, а вещь. Где-то начало прошлого века. Тысяч тоже десять-пятнадцать.

– Всего? Ладно, а это?

Эрих подал серьги. Брюнетка положила их перед собой, осмотрела, подняла глаза на Эриха.

– Наследство, что ли, получили?

– Вроде того.

– Похоже на рубин и бриллианты.

– Сколько?

– Иногда из стекла делают – не отличишь.

– И все-таки – сколько? Если не из стекла?

– Не могу сказать. Вы продавать собираетесь или просто оценить?

– Продавать собираюсь, – сказал Эрих. – Но, наверно, в другой магазин схожу. Пусть там тоже оценят, я сравню.

– Там вам то же самое скажут.

– Вы пока ничего не сказали.

– Минутку подождете?

Брюнетка встала и ушла в дверь, которая выглядела антикварной, как и все вокруг. Мореный дуб, подумал Эрих, хотя никогда не видел мореного дуба, только встречал это выражение.

Девушка вернулась с пожилым седым господином. Он был, как артист, в галстук-бабочке. И в очках. Сел на место брюнетки, осмотрел кольцо, браслет и серьги.

– Не гарнитур, – сказал он брюнетке.

– Это ясно, но все равно, вы же видите, – сказала она. – И клеймо там даже.

– Да, – сказал он. И Эриху вежливо, ласково: – Здравствуйте.

Эрих знает эту вежливость. Такими вежливыми бывают, когда хотят обмануть. Но он к этому был готов. Он всегда к этому готов.

– Давайте так, – сказал господин. – Мы берем на экспертизу, а вам выдаем соответствующий документ и аванс. Через два дня предъявим официальные сертификаты с официальной ценой. Устроит?

– Нет. В другом магазине сразу дадут.

– Нигде сразу не дадут. Хорошо, подождите.

Господин взял телефон, набрал номер, сказал кому-то негромко:

– Илья Борисович, зайдите в оценку.

Через минуту вошел человек еще старше господина. Со-
всем старик. Хотелось даже сказать: старичок – седенький,
маленький, как гном. Он взобрался на стул, как дети садятся
на взрослые стулья не по их размеру, – оперся рукой, высоко
приподнял одну ногу, чуть подпрыгнул, подтянул вторую,
поерзал, уселся, взял лупу, рассматривал драгоценности.

И, ничего не сказав, слез со стула. Они с господином о
чем-то поговорили в сторонке, и старичок скрылся, а госпо-
дин вернулся.

– Хорошо, – сказал он. – Я вам сейчас скажу настоящую
цену. Учтите заранее, она вас удивит. Вы подумаете: ого, как
круто, если мне тут такое предлагают, побегу в другое место,
наверняка там дадут еще больше. Уверяю вас, не дадут. По-
чему? Потому что я это продвигу и объявляю максимум.

– Объявляйте.

– Отлично. Сто семьдесят, – сказал господин и приподнял
кольцо.

И посмотрел на Эриха, чтобы полюбоваться эффектом.
Эффекта не было, Эрих был таким спокойным, будто ничего
другого и не ждал.

Господин хмыкнул и приподнял браслет.

– Восемьдесят пять.

– Нормально, – сказал Эрих.

– Еще бы не нормально. А это – от четырехсот до пятисот, точнее скажем после экспертизы, – сказал господин и поднял серьги.

И тут же добавил:

– А теперь можете нести в другое место, на здоровье, но больше никто не даст. Гарантирую. При этом мы добавляем за художественную ценность, уникальность, понимаете? Включаем субъективный фактор, это на руку клиенту, понимаете?

– Я вам верю, – сказал Эрих. Он был так рад, хоть и не показывал этого, что и других хотелось порадовать. – Я готов продать.

– Отлично. Сейчас оформим договор на экспертизу, займет два дня, через два дня приходите за деньгами. Согласны?

– Нет, – сказал Эрих, чувствуя себя опытным и умным. Он никогда такими делами не занимался, но он догадлив. – Нет. Или сейчас, или несу в другое место.

– Мы рискуем, – сказал господин. – Вдруг подделка?

– Я тоже рискую, – сказал Эрих. – Не-ужели вы сразу не видите, что к чему? Не первый же год тут работаете.

Господин усмехнулся и оглянулся на брюнетку, которая тоже усмехнулась. Эрих понял, что они по достоинству оценили его смекалку.

– Ладно, – сказал господин. – Сейчас Маша займется.

Он что-то написал на бумажке, положил на стол перед Машей и ушел.

Маша занялась.

Как мою мать зовут, подумал Эрих. Но красивая. Мать была некрасивой. И отец некрасивый. Эрих красивее их, но тоже не идеал. Но не хуже других. У него очень красивые густые волосы. Темно-каштановые. И карие глаза. И правильные черты лица. Дело еще в одежде. Он слишком просто и практично одевается.

Через полчаса брюнетка сказала:

– Получается, если в целом, семьсот тридцать четыре тысячи триста.

Эриху понравилось точность цифры, хоть он и знал, что точные цены выставляются для достоверности и обмана. Да, скорее всего, брюнетка, будучи в сговоре с господином, обманывает, все стоит дороже. Но вряд ли намного, они же понимают, что Эрих может пойти в другой магазин. И там тоже обманут, пусть меньше. Всем надо заиметь выгоду. Капитализм.

Получив деньги, Эрих пересчитал их, аккуратно уложил в бумажник. Постоял, подумал и направился к брюнетке. Спросил:

– А вы что делаете вечером?

– Иду домой к мужу, – ответила брюнетка.

Но улыбнулась. То есть отказала, но одобрила смелость Эриха.

Надо учесть.

Для Эриха это были огромные деньги, хотя он жил в Москве, где для многих это деньги обычные, а для некоторых вообще не деньги.

Он мог бы уволиться с работы, но не стал этого делать. Ходил на работу, там уже ничего его не раздражало, а в остальное время занимался ремонтом. Комнату матери, окном на запад, сделал спальней, чтобы утром не будило солнце, а своя комната стала гостиной.

Целый месяц он занимался этим, но результат того стоил: вся квартира теперь выглядела единым жилым миром уважающего себя, аккуратного и чистоплотного человека. И денег осталось вполне достаточно. Эрих решил в перспективе купить подержанную машину в хорошем состоянии, а пока научиться наконец ездить. Инструктор в автошколе сказал:

- Поздновато начинаете.
- Некоторые еще позже.
- Это правда. Недавно женщина, семьдесят три года, пришла учиться. И получается.
- Моей маме семьдесят восемь было. Недавно умерла, – сказал Эрих. Ему захотелось поделиться личным с этим вежливым пожилым инструктором. Тот был в маске и в перчатках. Молодец.
- Соболезную, – сказал инструктор.

– Спасибо.

Эрих в это время чувствовал себя добрее к людям.

Но что-то в нем происходило. Было ожидание какого-то события.

И событие случилось.

Эрих был на дежурстве и поднялся на эскалаторах на третий этаж, в «Му-Му». Отлучки на обед, как и в туалет и на перекур, если кто курит, негласно разрешались. Раньше Эрих не позволял себе питаться в «Му-Му». Вроде не очень дорого, но это кому как. К тому же от запахов разыгрывается аппетит, захочешь и того, и другого, и третьего. Лишнего. Раньше Эрих брал на работу обед – пару сосисок, сыр, помидоры, хлеб. Поднимался в то же «Му-Му» и там ел за дальним столиком. Со своей едой в «Му-Му» приходить нельзя, но работникам «Депо-Молла» позволялось.

Раньше тут только и было «Му-Му», теперь в здании открыли еще и «Макдоналдс», и кондитерскую-кофейню. По наблюдениям Эриха, мест общего питания с каждым годом становится все больше. Жрать стали в три горла, сделал он вывод. Меры не знают. И перестали готовить дома. Мать вот тоже последние лет двадцать ничего не готовила. Сама ела что попало, о сыне и вовсе не думала.

Много пищевых точек и в окрестностях дома, где живет Эрих. И около метро. По тому, что находится у метро, легко понять, чем сейчас заняты люди. А находится там несколько фастфудов, салоны сотовой связи, продуктовые магази-

ны и банки, очень много отделений разных банков. Следовательно, люди сейчас едят, звонят, закупаются продуктами и занимаются деньгами. Есть тут еще и книжный магазин, но он скорее школьно-канцелярский: в книжных отделах, среди высоких, плотно набитых стеллажей, всегда пусто, покупатели ходят лишь у полок с тетрадями, учебниками, ручками. Учеба такое дело – хочешь не хочешь, а на чем-то писать и чем-то писать надо, приходится покупать.

И вот у Эриха появилась привычка вкусно кушать. Понятная человеческая слабость. Он заглядывал и в «Макдоналдс», и в кондитерскую, но чаще всего посещал все-таки «Му-Му». Тут тоже, если ходить часто, замечаешь однообразие ассортимента, но однообразие более разнообразное. Эрих обычно брал винегрет или салат из свежей капусты с морковью и яблоком, иногда баловал себя селедкой под шубой, брал украинский борщ или гороховый суп с копченостями, или суп-пюре с брокколи, или рассольник, или суп с фрикадельками, а на второе предпочитал рыбу в кляре, иногда колбаски с гречкой-гарниром или мясо по-французски, изредка позволял себе кусок семги. Запивал это компотом или киселем, но брал и крошечную чашечку черного кофе, как аристократ. Продавалось здесь и спиртное, но Эрих алкоголя чурается с подросткового возраста. Друзья напоили его каким-то вином, он еле дошел до дома, по дороге падал, ночью проснулся от тошноты, побежал в туалет, его долго и мучительно рвало, а потом он спал весь день. С той поры как

отрезало, даже запаха алкоголя не переносит. А еще больше запаха перегара. Ну, как не переносит. Не любит, но терпит. Потому что из входящих каждый десятый или, хорошо, пусть двадцатый идет с этим запахом. Приходится терпеть. Вот почему, кстати, Эриху нравился масочный режим: если кто и выдыхал гадость, то не в людей, а себе в маску.

С этого запаха все и началось. Хотя не только с него.

Эрих поднялся в «Му-Му», взял поднос и пошел с ним вдоль стойки. Сзади пристроились два парня, они весело ругались матом и от них несло выпитым накануне пойлом, перегоревшим в их желудках. Казалось, они и говорят желудками. Они ругались о том, что вчера были у кого-то в гостях и им там не понравилось. Отстой, говорили они. Если бы знали, то никогда, говорили они. Отстойные телки, говорили они. Отстойный Антоха, говорили они про какого-то Антоху. И все это матом, громко. И, конечно, были без масок, хотя при входе была табличка, что без масок никто не обслуживается.

– Что желаете? – спросил Эриха юноша-подавальщик среднеазиатской внешности.

– Винегрет, – сказал Эрих.

И получил мисочку с винегретом, и отошел, но отошел недалеко.

– Что желаете? – спросил юноша парней.

– Селедку под шубой, – сказал один.

– Мне тоже, – сказал другой. – Нет, мне грибочки. Под

водку хорошо, — объяснил он первому.

Юноша поставил перед ними мисочки с селедкой под шубой и маринованными грибами.

Эрих сказал ему, не глядя на парней:

— Вы не имеете права их обслуживать. Они без масок.

Среднеазиатский юноша не успел ответить, за него ответил тот, который взял селедку под шубой.

— Не лезь, куда не просят, — сказал он.

— Иди давай, не держи людей, — сказал тот, который взял грибочки.

— Вы не люди, вы уроды, — не согласился Эрих.

— Чего сказал? — надвинулся на него тот, который взял селедку под шубой.

— Он борзый, — сказал тот, который взял грибочки.

— Видал я таких борзых, — сказал тот, который взял селедку под шубой. — Чего пялишься?

И прошел мимо Эриха с подносом. Второй — за ним.

А ведь Эрих был в форме, но они словно не замечали этого.

— Мне вызвать полицию? — спросил Эрих.

— Я те щас вызову, — сказал тот, который взял грибочки, а теперь выбрал горшочек с борщом. А тот, кто взял сельдь под шубой, предпочел гороховый суп с копченостями.

Эрих, чувствуя себя в полном праве, громко сказал, обращаясь ко всем работникам, кто стоял на раздаче:

— Прекратите выдавать им еду. Они без масок. И пьяные.

– Кто пьяный? – спросил тот, который взял сельдь под шубой и гороховый суп. – Ты сам на ногах не держишься, проспись иди. С утра накатил и предъявляет тут.

Работники заулыбались, а некоторые и засмеялись.

Эрих слегка растерялся. Собирался с мыслями. За это время парни продвинулись дальше. Тот, кто взял сельдь под шубой и гороховый суп, добавил к ним куриный шашлык на шпажке-палочке. И тот, кто взял грибочки и борщ, поступил так же.

Эрих достал телефон, набрал 102. Ему ответил неразборчивый женский голос.

– Тут, в «Му-Му» у метро «Тимирязевская», два хулигана безобразничают, – гневно сообщил Эрих. – Без масок, пьяные, ругаются матом. А персонал с ними ничего не делает.

– А вы кто? – спросила дежурная.

– Я гражданин страны. И я охранник тут, но они меня не слушают.

– Хорошо, передам, – сказала дежурная.

– Кому? – спросил Эрих, но она уже положила трубку.

– Звони, звони, – одобрил тот, кто взял сельдь, суп и шашлык. – Сейчас прискачут. С мигалками. Водочки нам, – обратился он к женщине, подававшей напитки. – По сто? – посоветовался с другом.

Тот склонил голову в сомнении.

– Двести?

Друг приподнял плечо, продолжая сомневаться.

– Сто пятьдесят, – решил тот, кто взял сельдь, суп и шашлык. – А то работать еще.

Друг кивнул.

Женщина была постарше и была, в отличие от остальных обслуживающих, русская.

– Вы, в самом деле, не это самое, – сказала она. – Нам тут неприятностей не надо. Маски оденьте хотя бы.

Она и сама достала из кармана передника и надела маску.

Эрих испытал смешанное чувство гордости и печали за русский народ, который иногда бывает честен, но никогда до конца.

– Нет у нас масок, девушка, – сказал тот, кто взял сельдь, суп и шашлык. – И у кого тут маски вообще?

Действительно, в зале все сидели без масок. Но у некоторых они были на шее.

– Люди едят, поэтому сейчас нет, – объяснила русская женщина. – Но пришли все в масках, так что давайте тоже.

– Да нету, – сказал тот, кто взял грибочки, борщ и шашлык.

– Возьмите наши, – сказала русская женщина и протянула им две маски.

– Вот спасибо, – поблагодарил тот, кто взял сельдь, суп и шашлык.

И они надели маски, но, как только сели за стол, тут же сняли их и сунули в карманы.

Эрих устроился неподалеку. Ел и посматривал в их сторо-

ну. Ждал появления полиции. Тут метро и несколько торговых зданий, обязательно есть наряды и посты полиции, она должна скоро появиться. Но она не появлялась.

Парни выпили, ели быстро, будто торопились. Вскоре Эрих понял, куда они торопятся. Они встали, подошли, тот, кто взял и ел (и уже съел) сельдь, суп и шашлык, сказал:

– Пойдем выйдем.

– Обойдетесь, – ответил Эрих. – Я ем.

– Мы подождем, – сказал тот, кто ел сельдь, суп и шашлык.

– Вот еще, ждать, – сказал тот, кто ел грибочки, борщ и шашлык.

Он схватил солонку и потряс ее над супом Эриха, над его семгой, посолил и хлеб, и компот, и кекс.

Его друг засмеялся, ему понравилось. Он вынул из кармана смятую маску и сунул ее в горшочек с супом, взял вилку Эриха, затолкал маску поглубже.

Второй дал ему свою маску, он затолкал и ее. Суп выплеснулся через край.

– На десерт, – сказал второй.

И они ушли.

Эрих некоторое время сидел, не двигаясь и не глядя, как на него смотрят другие. Он и так знал, что в их глазах не сочувствие, а подлость и насмешка.

Потом он встал и быстро пошел к выходу.

На улице увидел парней, удаляющихся в сторону улицы

Яблочкова. Там они свернули направо. Пересекли улицу – к дому под номером четыре. Может быть, живут здесь. Длинный девятиэтажный панельный дом. Подъезды со стороны двора. Сейчас они скроются. Эрих напоследок запомнил их. Тот, кто ел сельдь, суп и шашлык, был в черных джинсах и бордовой футболке, довольно высокий, светловолосый, волосы коротко пострижены. Второй ниже, плотнее, в голубых джинсах и черной футболке, волосы еще светлее, чем у первого, и длиннее, с зачесом вбок.

Эрих вернулся в «Депо-Молл». Там, в вестибюле, стояли два полицейских, очень молодые, совсем мальчишки.

– Это вы вызывали? – спросили они.

– Уже не нужно, – сказал Эрих.

– А в чем дело-то?

– Да все равно они уже убежали.

– Ладно. Но по вызову мы были, если спросят.

– Хорошо.

Они ушли.

Через полчаса Эриху позвонили и спросили, приходили ли полицейские на вызов. Он мог бы выразить возмущение, что они пришли поздно, но не стал этого делать. Берег силы.

Он позвонил Васильеву, сказал, что заболел.

– Ковид? – спросил Васильев.

– Может быть.

– Иди болей. Не умри там.

Эрих пошел домой, переоделся и отправился к дому но-

мер 4 по улице Яблочкова. Рядом с ним была пятиэтажка, Эрих увидел там табличку «Судебный участок № 97». Это ему понравилось. Это был знак судьбы.

Понравилось и то, что кругом много деревьев.

Он встал за деревьями у какого-то забора и начал наблюдать.

Коротая время, посмотрел в телефоне, где находится. Оказалось, что забор, у которого он стоял, ограждает туберкулезный диспансер. Не заразиться бы. Год назад Эрих переболел ковидом. Переболел дома, не тяжело и не легко, средне. Лечился сам, выискивая информацию в интернете. Выходил из комнаты редко и этим уберег мать, она продолжала болеть своей болезнью, но ковидом не заболела. А то бы умерла еще раньше.

Эрих задал в телефоне вопрос, можно ли, находясь у тубдиспансера, заразиться туберкулезом. Ответы были: нет. Даже в самом диспансере – маловероятно, если просто там побывать. И вообще, все зависит от иммунитета.

Тут Эрих увидел своих обидчиков. Не сразу узнал, потому что они были в серых рабочих комбинезонах. Они выносили мешки из крайнего подъезда, в таких мешках и Эрих таскал строительный мусор. Сперва сложили у подъезда, а потом отволокли к контейнерам.

Ясно. Они тут работают, они ремонтируют чью-то квартиру. Вечером должны закончить работу и выйти, если не ночуют тут. Такое у некоторых ремонтников бывает, кто ре-

монтирует пустые квартиры, а живет далеко.

Еще горше стало Эриху оттого, что эти парни – рабочие ребята. Занимаются тем же, чем и он недавно занимался. Близкие этим. Если бы бездельники пришли в столовую с похмелья, ругались матом, называли девушек телками, были без масок и хамили, тогда понятно. А эти свои. Трудовые. Но испорченные общей испорченностью.

Эрих ждал. Ему хотелось в туалет, но он боялся отойти. Хотелось все сильнее. Он не раз видел людей, справлявших нужду в укромных уголках дворов, и презирал их. Если ты поехал зачем-то в чужой далекий район, обязан подумать, чтоб облегчиться на дорожку. Нет, они не думают, живут минутой. И есть ведь законные туалеты неподалеку, у метро. Пусть не очень красивые, цвета позолоченного дерьма, как сказал кто-то, а Эрих слышал, но исправно служат. Или дело в том, что они платные и жаль денег, но разве твоя совесть ничего не стоит?

И вот он сам в такой ситуации. Но он тут по делу, и это его оправдывает. Вряд ли армейский часовой на посту, если ему приспичит, отойдет от поста. Вряд ли он и намочит штаны, особенно в мороз. Он все сделает на месте. Если это, конечно, не особый пост, например, Мавзолей Ленина. Стоят ли там сейчас часовые? Или вот президент. Он проводит конференции по четыре-пять часов. Непрерывно. А человек уже в возрасте. Наверняка ему тоже хочется, но он мужественно терпит. Он сохраняет ясность речи и юмор, за что Эрих его

очень уважает. Это уважение поддержало сейчас Эриха, он решил вытерпеть. Но хватило на полчаса, было уже невмоготу. Эрих отвернулся к забору и облегчился. Процесс длился необычно долго. Или Эрих всегда долго это делает? Не обращал внимания. Никогда не знаешь, что важно, даже в себе самом. Живешь невнимательно.

Эрих удивлялся, сколько разных мыслей у него возникло. Это его радовало. Наверное, я становлюсь другим человеком, думал он.

Наконец двое вышли. Направились к метро. Эрих следовал за ними, держась на расстоянии. У входа на станцию они попрощались, махнув друг другу руками. Который ниже и плотнее, с зачесом, свернул к стеклянным дверям, а тот, который выше, коротковолосый, пошел дальше. Но тут который с зачесом окликнул коротковолосого:

– Слав.

И Слава остановился, с зачесом подошел, что-то ему сказал на завтра, Слава покивал, и они расстались окончательно.

Слава зашел в «Бургер Кинг». Эрих издали через стекло наблюдал, как он ест. Ему тоже хотелось есть и пить, но он подумал о своем долге, и тут же стало легче. Да я хоть три дня могу не есть и не пить, если надо, с гордостью подумал Эрих.

После «Бургер Кинга» Слава зашел в «Перекресток». Был там недолго, появился с банкой пива. Не спеша шел и отпи-

вал из банки. Когда пиво кончилось, смял банку, огляделся. Поблизости не оказалось урны. Эрих ждал, что Слава швырнет банку на газон или на асфальт. Он даже приготовил мстительную мысль на этот случай. Бросай, бросай, мусори, тебе это зачтется, такая была мысль. Но Слава нес банку до урны, которая наконец попалась у входа в какой-то магазин. И ки-нул туда банку.

Да, ты сделал это правильно, подумал Эрих, но тебе это уже не поможет. Мелкой правильностью не искупить крупную гадость.

Начал накрапывать дождь, стемнело от туч и начала вечера.

У Эриха не было плана, он ждал подсказки. Слава подошел к автобусной остановке и сел на лавочку. Вокруг никого не было. Эрих стоял за деревом. И увидел подсказку. Она была прямо тут, у ног. Здесь меняли бордюры. Сейчас везде меняют бордюры. Выковыривают вполне годные и вставляют другие. Ясно, что это жульничество и воровство, причем открытое. В их дворе раскурочили детскую площадку, которая была построена всего три года назад. Сломали горку, качели, скамейки, взломали специальное прорезиненное покрытие, а потом положили точно такое же покрытие, такую же горку, такие же качели. Это называется осваивание средств, грамотно знал Эрих. Правильнее сказать: присваивание.

Подсказка имела вид кувалды с короткой ручкой, сужающейся к низу. Она напоминала оружие каменного века. Это

был отколовшийся кусок старого бордюра. Вот так и получается, что вы даже не представляете последствий вашего воровства, думал Эрих о тех, кто спланировал замену бордюров. Вы заставили выковырять старые бордюры, если бы этого не было, ничего бы не случилось. Сами виноваты, что кто-то взял кусок бордюра и убил человека.

Все складывалось в пользу Эриха: льет дождь, нет людей – возможных свидетелей, остановка далеко от домов, вряд ли кто увидит из окна. И машин почти нет. Взять обломок, подойти сзади, выскочить и ударить по голове. В висок. И тут же быстро уйти. Камень не выбрасывать, пойти в Тимирязевский лес, к пруду, выбросить в воду.

Эрих нагнулся за обломком. И тут сверкнула молния, прогремел гром. Эриху показалось, что молния попала в его мозг. Там все осветилось. И стало видно, насколько он глуп. Да, он выбросит камень, да, дождь смывает следы. Но когда начнут искать убийцу, быстро выйдут на друга-напарника убитого, тот расскажет о ссоре в «Му-Му», об охраннике, добавятся показания работников «Му-Му», полицейских, Васильева, у которого отпросился Эрих, и все. Все ясно. Уже завтра Эриха схватят.

Эрих разогнулся, похлопал руками, будто очищая их, хотя ничего ими не брал, повернулся и пошел домой.

Все знают, что, если что-то очень захотелось сделать, но ты этого не сделал, хочется еще сильнее.

Эрих отбросил идею о мести обидевшим парням, но сама идея мести не ушла.

Он выходил теперь из дома, как на охоту.

Он был теперь совсем свободен: Васильев позвонил и сказал, что взяли другого человека.

– Пока я болею? – спросил Эрих.

– Пока да, а потом совсем. Так что ты поищи себе что-нибудь. Сам понимаешь, такое время.

– Понимаю. А вы понимаете, что я без средств к существованию? – Эрих лукавил по своему конкретному случаю, но говорил правду в принципе: другой на его месте, кому не повезло с наследством, оказался бы в нищете.

– Не я решаю, – оправдался Васильев.

– Вечно вы на других валите, – сказал Эрих.

Но был рад этой новой обиде, новому оскорблению. Тем больше у него оснований поступать так, как он задумал. При этом у Эриха не было четкого плана, зато был четкий настрой, а это главное.

Он ходил по улицам, смотрел на людей, и его тешила мысль, что эти несчастные не знают, что они в его власти.

Внимательней всего он смотрел на девушек и женщин.

Его вывод, что мужчине, у которого в жизни есть важная тема, не нужны женщины, оказался ошибочным. Да, он перестал любоваться красотками в интернете, больше того, они стали казаться ненатуральными – их лица, позы, фигуры, этот загар, сделанный фотошопом, эти линии, зачищенные тем же фотошопом, эта идеальная чистота и гладкость кожи, отполированной опять-таки фотошопом...

Но появилась и росла с каждым днем жажда живой женщины.

Живая женщина у Эриха была давно, он не любил об этом вспоминать. Когда-то были и отношения, они длились целый год. С девушкой. Эрих тогда был молодым и совсем глупым. И отношения были глупыми. Но Эрих почему-то не мог их прекратить. Она прекратила сама, он принял с облегчением. Месяца через два увидел ее на улице. Смотрел и не верил, что мог быть с этой абсолютно чужой девушкой. Если бы он ее совсем не знал, она не показалась бы такой чужой. Удивительно.

Эрих посмотрел в интернете, что из одежды модно у мужчин его возраста в этом сезоне, и поехал в «Метрополис» на Войковскую. Там продают модную одежду. Но она во всех магазинах этого огромного торгового комплекса оказалась страшно дорогой. Эрих вернулся и в родном «Депо-Молле», где магазины попроще, приобрел такие же или похожие вещи, но намного дешевле.

Дома оделся, осмотрел себя в трельяже, что стоял в при-

хожей. Единственный предмет из старой мебели, который он не выкинул. Трельяж – потому что три зеркала. А под ними тумбочка с двумя ящичками. Новый наряд выглядел стильно. Приталенный пиджак, серый в крапинку, светло-голубая рубашка, две верхние пуговицы с намеком расстегнуты, светло-бежевые, почти белые зауженные брюки, укороченные, видны голые лодыжки. И коричневые туфли.

Эрих коротко ходил перед зеркалом, привыкал к себе. Уходил, чтобы забыть, как выглядит, возвращался, опять смотрел. Вышел на улицу новым человеком. Вскоре оказался у трех тридцатипятиэтажных зданий, стоящих впритык друг к другу у метро. Их внизу соединял двухэтажный длинный торговый комплекс «Метро-Маркет». Эрих заходил в салоны связи, в магазины и банки. Ничего там не делал, проверял, как на него реагируют. Не покажется ли он кому-то раженым придурком? Нет, никому не показался, никто не усмехнулся в его сторону, никто не посмотрел с оскорбительным интересом. Лишь в «Детском мире» на него обратили внимание. Вернее, не в «Детском мире», а при входе в «Детский мир» и в «Шоколадницу». Тут теснились еще два банкомата, а за ними, в углу, был цветочный магазин. Женщина в красном переднике составляла букет. Она посмотрела на Эриха и спросила:

– Что-то желаете?

А ведь он был еще у двери, может, пришел в «Детский мир» или в «Шоколадницу». И он не смотрел прямо на жен-

щину, не смотрел даже в сторону ее магазина. Краем глаза только ее видел. Но она спросила. Других не спрашивала, а его спросила. Значит, у него вид мужчины, который может купить цветы, которому они нужны.

– Нет, спасибо, – сказал Эрих, поднял руку и посмотрел на часы. Часы его всегда выручали в таких случаях. Ты смотришь на них и как бы вспоминаешь, что тебе будто бы срочно куда-то надо. Эрих посмотрел на часы и вышел. Но какая-то мысль у него мелькнула. Мелькнула и пропала, он не успел ее уловить. Отложил на потом. Если мысль важная, вспомнится сама, если нет, значит, она не важная.

Эрих шел мимо витрин, смотрел на свое отражение. У него даже походка изменилась. Или всегда была такая? Как плохо мы себя знаем.

На следующий день Эрих вспомнил мелькнувшую мысль. Продавщица в цветочном магазине напомнила ему брюнетку Машу из антик-варного магазина. Тоже приятной внешности и тоже продавщица. И Эрих вызвал такси, и поехал в антикварный магазин, и вошел туда своей новой походкой. Или той, что была, но он не знал. Маша была на месте, улыбнулась ему из-за стекла. Эрих видел себя в стекле и был согласен с ее улыбкой. Есть на что посмотреть. Он тоже улыбнулся ей сквозь маску.

– Принарядились, – сказала Маша с дружеской иронией. – Вам идет.

– Я знаю, – сказал Эрих. – Так как насчет вечера?

– Все так же, – ответила она.

– Жаль, – сказал Эрих и ушел.

Но цели добился, понял две вещи. Первая: красавица Маша отказала, но возможность допустила. Это было видно по взгляду. В нем даже сожаление заметил Эрих. Вторая: он ощутил в себе настоящую жажду. Он не обманывает себя, ему нужна живая женщина.

Но кто? Может, все-таки сильно тянет к Маше? Это плохо, потому что нет шансов.

Эрих начал думать, насколько понравилась ему Маша. Да, понравилась, но он ведь не страшно огорчился из-за ее отказа. И тут он догадался, что хочет увидеть еще раз продавщицу-цветочницу. Она напомнила ему о Маше. Но не потому, что тоже брюнетка и продавщица, как он сперва решил. Он видел и других брюнеток-продавиц, они не напоминали. А эта напомнила. Значит, в ней что-то особенное. Это надо проверить.

С утра Эрих готовился навестить цветочницу. Было тепло, он решил сменить наряд. Чтобы она не подумала, что ему нечего больше надеть. У Эриха есть хорошие джинсы, белые фирменные кроссовки, красивая голубая футболка с какой-то надписью и каким-то рисунком, Эрих не вчитывался и не вглядывался. Даже странно, он года три, а то и больше носит эту футболку. Стирает аккуратно, она как новая. А что нарисовано и написано, не знает. Сто раз смотрел на себя в зеркало, когда причесывался перед выходом и когда был в

этой футболке, и ни разу не рассмотрел. Правда, в зеркале все наоборот. Эрих снял футболку, держал в вытянутых руках и разглядывал. По груди с загибом шла крупная надпись «SOUTHBLUE». Эрих учил в школе немецкий язык, но, как все современные люди, кто общается с интернетом, понимал многие английские слова. «Южная синева», понял он. Или «южно-синий». Что-то в этом роде. Ниже была надпись поменьше – «Sailing crew». Этого Эрих не понял. Еще ниже, еще мельче: «Classical yachting». Ну, это ясно, классический яхтинг. И только теперь, только теперь, после трех лет жизни с этой вещью, причем из числа любимых, Эрих наконец увидел, что на футболке нарисована, и нарисована довольно ясно, яхта. Яхта с парусом на фоне контурной карты мира.

Ему стало радостно и немного печально. Но разбираться в мыслях было некогда, он спешил к цветочнице.

Эрих заранее придумал, что будет делать. И попросил ее составить букет.

– Для кого? – спросила она.

– Для женщины.

– Есть какие-то предпочтения?

– Никаких, на ваш вкус.

– Тогда на цену ориентируемся. На какую сумму составить?

– Тысячи на две.

– Хорошо.

Она составляла, а он смотрел. Чуть смугловатые руки, об-

наженные по локоть. Красивые тонкие пальцы. Темные волосы из-под косынки. Косынка красная, в цвет фартука. Видно ушко с сережкой. Уши у людей двух видов – с отдельной мочкой уха и вросшей в скулу. Есть промежуточный вид – и не отдельно, и не вросла, ни нашим, ни вашим. Эрих любит, когда мочка уха отдельно, и не терпит, когда приросла. У цветочницы отдельно и красиво, Эрих был ей за это благодарен. И глаза у нее красивые. Кожа, которую видно, ровная, чистая. Аккуратный прямой нос. Да, он открыт, но ей ведь надо различать запахи и ароматы, букеты состояются не только по цветам и оттенкам, но и по запаху, если к этому подходить правильно, а Эрих был уверен, что цветочница все делает правильно, поэтому простил ей открытый нос.

Она закончила, перевязала букет белой ленточкой. Эрих сам хотел попросить белую, но цветочница догадалась, не спрашивая. Родственные души совпадают и в мелочах.

– Ровно две тысячи, – сказала продавщица.

Эрих заплатил, приставив телефон к устройству, но не взял букет.

– Это вам, – сказал он.

Ждал удивления, смущения. Чего-нибудь.

Но продавщица пожала плечами и сказала:

– Спасибо за шутку.

– Да нет, я серьезно. Это вам.

– Я не могу это принять, – сказала продавщица и посмотрела за спину Эриху.

Эрих обернулся и увидел девушку с фиолетовыми короткими волосами. Она нетерпеливо ждала, стояла близко, маска была натянута до носа.

Взглядом на нее цветочница показала Эриху, что готова обслужить эту фиолетовую, а с ним закончила. И фиолетовая сделала шаг, встала рядом с Эрихом.

– Надень маску правильно и отойди, – сказал ей Эрих.

Обычно он ко всем обращается на «вы», но тут захотелось быть грубее самого себя. Фиолетовая этого заслуживает.

Она натянула маску на нос, но не отошла, сказала:

– Не видите – не катит у вас? Не мешайте женщине работать.

– Не твое дело, – сказал Эрих. И повторил цветочнице:

– Это вам, возьмите.

Прозвучало плохо, сердито и обиженно. Фиолетовая виновата, ее присутствие. Трудно говорить по-человечески при посторонних.

– Харассмент в чистом виде, – высказалась фиолетовая.

– Мужчина, в самом деле, спасибо, но я не могу, – сказала цветочница.

Двойственность была в ее голосе. С одной стороны, она сказала довольно мягко и этим как бы защищала Эриха от фиолетовой. С другой стороны, в голосе слышался и поддерживающий кивок в сторону фиолетовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.